

Псковское отделение Русского географического общества

**ПРОБЛЕМЫ  
ЭТНИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И  
КУЛЬТУРНОГО РАЙОНИРОВАНИЯ**

**Сборник научных статей**

Под редакцией доктора географических наук  
А. Г. Манакова

**Псков**

**2004**

### Раздел 3. Теория и практика культурного районирования

<b>Д. В. Николаенко, ЮАР, г. Претория</b> Понятие социо-культурного района .....	136
<b>Т. И. Герасименко, г. Оренбург – С.-Петербург</b> Методологические аспекты этнокультурного районирования России .....	143
<b>Л. И. Попова, г. Курск</b> Территориальная дифференциация диалектов как один из определителей глубины этнокультурного приграничного пространства .....	151
<b>А. Г. Манаков, г. Псков</b> Историко-этнографическая основа культурного районирования староосвоенной части Европейской России .....	159
<b>М. П. Крылов, г. Москва</b> Вопросы районирования исторического ядра Европейской России по критериям региональной идентичности .....	168
<b>Н. В. Григорьева, г. Псков</b> Региональная идентичность и самоназвания населения в районах стыка Псковской, Тверской и Смоленской областей .....	176
<b>Е. Н. Соколова, г. Вологда</b> Культурно-ландшафтное районирование Вологодской области .....	179
<b>Л. Б. Вампилова, С.-Петербург</b> Историко-географическое районирование Карелии .....	190
<i>Сведения об авторах статей сборника</i> .....	201

### Раздел 1. Общие вопросы этнической и культурной географии

**С. А. Хрущёв, К. Б. Клоков**  
*Россия, С.-Петербург*  
**ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Этническая география как научное направление, находящееся на стыке двух наук – этнографии (этнологии) и географии – обозначилось уже давно. Можно сказать, что уже при своём возникновении (формировании) обе науки имели общий объект исследования – народы, населяющие определённые территории с определённой географической средой.

Зачатки этногеографических знаний появляются уже в античности, когда описание жизни народов не мыслилось без характеристики природной среды, и наоборот – характеристика природной среды не рассматривалась как самоцель, а представляла интерес лишь в контексте с описанием особенностей жизни народов. Комплексное изучение стран и народов характерно для большинства античных авторов (Геродот, Гекатей Милетский, Гиппократ, Эратосфен, Страбон, Клавдий Птолемей). Поэтому этногеографические подходы использовались как необходимый элемент страноведения, что хорошо иллюстрируется содержанием дошедших до нас античных карт, которые одновременно являлись картами географическими и этнологическими.

Комплексное страноведение античного времени затем сохраняется и в работах многих учёных средневековья («Об управлении империей» Константина Багрянородного, «Христианская топография» Косьмы Индикоплова).

Попытки в новое время прямого сопоставления этнических и географических данных без чёткого представления о закономерностях исторического развития общества и этнических систем приводили к тому, что этнохозяйственные, этнокультурные и этнопсихические различия народов объяснялись непосредственным влиянием природных условий, в которых они обитали. При таком подходе этногеографические исследования велись в рамках теории географического детерминизма, наиболее отчетливо сформулированной в середине XVIII в. Ш. Монтескье, а позднее в работах Т. Г. Бокля. В 1789 г. в Германии складывается этнологическое направление исследований – «Volkerkunde», которое рассматривалось как часть географии. Такое понимание этнологии как компонента географического страноведения отчетливо проявляется в работах А. Гумбольдта [15]. Мысли о прямом воздействии географической среды на нравы и быт народов встречаются у К. Риттера [38], Каппа, Э. Реклю [37], Л. И. Мечникова, Ф. Ратцеля, Видаль де ла Бланша.

В рамках идей эволюционистской школы в этногеографии и географического детерминизма немецким путешественником и этнографом А. Бастианом представлена теория «географических провинций»<sup>1</sup>, формирование, развитие и особенности которых зависят от условий географической среды [1].

<sup>1</sup> - у Адольфа Бастиана они тождественны по своей сути историко-культурным провинциям, - прим. авт.

В конце XIX в. немецким географом Ф. Ратцелем формулируются основы антропогеографии, целью которой является исследование отношений между человеком и окружающей средой. По мнению Ф. Ратцеля, «на одинаковой почве складываются сходные явления в жизни народов и государств, которые можно классифицировать по географическому признаку» [36]. Мозаичность географической среды объективно вызывает различия между культурами народов, но они постепенно сглаживаются благодаря этническим контактам. Поэтому необходимо именно изучение географического распространения «этнографических предметов»<sup>2</sup> для понимания истории народов. Таким образом, географический фактор здесь является важнейшим пунктом научных исследований, а история сведена к «передвижению народов» как основополагающего факта в истории человечества.

На методологическом базисе антропогеографической школы в этнографии сформировались концепции, учитывающие фактор географического пространства: учение о культурных кругах (Ф. Гебнер, В. Шмидт, В. Конпер), теория культурных ареалов (К. Уислер, К. Сепир, К. Кребер) и теория миграции. Контакт в антропогеографической парадигме между географией и этнологией, географией и социал-дарвинизмом впоследствии создал основы для возникновения геополитики, которая на заре своего развития превратила «борьбу за бытие» в «борьбу за пространство» («Lebensraum» Карла Хаусхофера). Отметим, что ученик Ф. Ратцеля Альфред Геттнер в русском переводе «Народоведения» своего учителя использовал термин «этногеография» вместо «антропогеография». В дальнейшем развитие антропогеографии происходило в рамках двух школ – немецкой (А. Геттнер и др.) и французской (школа Ле Плей, Анри де-Турвиль, Э. Дэмолен).

В полиэтничной России исследованиям по этногеографии всегда уделялось большое внимание. В рамках немецкой традиции в 1845 г. в ИРГО К. Бэрром и Н. Надеждиным образовано отделение этнографии, которое развернуло масштабные работы по описанию народов Российской империи. Широко известны этнографические карты и объяснительные записки к ним П. И. Кеннена [2], А. Ф. Риттиха [39], составленные во второй половине XIX в.; Л. С. Берга и И. И. Зарубина, опубликованные в начале XX в. Идеи антропогеографии развивали и пропагандировали Л. И. Мечников (см. его теорию речных культур в [32]), Д. А. Кропоткин [22], Л. Д. Синицкий [41], А. А. Крубер [23]. Определённое отражение они получили в работах В. П. Семёнова-Тян-Шанского, А. И. Воейкова [13]. Описательные этногеографические материалы по России содержатся в работах А. Соколовского [42] и С. М. Середонина [40].

В 1917 г. при Академии наук была создана Комиссия по изучению племенного состава России и сопредельных стран (КИПС), которая провела большую работу по составлению этнографических карт и описанию многих районов и этносов страны (см., например, [17, 18]).

<sup>2</sup> - по Ф. Ратцелю - это явления материальной культуры, при этом "этнографические предметы" не отделяемы от их носителей - народов, людей и распространяются вместе с ними, - прим. авт.

В 1928 г. В. Г. Богоразом [7] ввёл в широкое, а не эпизодическое употребление термин «этногеография», посвятив науке, которую он обозначает, целую монографию. Данная работа была написана на основе учебного курса по этногеографии, прочитанного в 1926-1927 гг. в Географическом институте Ленинграда<sup>3</sup>. Однако, цели и задачи этногеографии не получили у него чёткого определения. В. Г. Богоразу не принадлежит приоритет ни по самому термину (его использовал А. Геттнер), ни по попытке дать определение этой науки<sup>4</sup> (см. [44]), но он действительно впервые на основе обширного материала манифестировал актуальность и необходимость этого направления, как он считал, современной этнографии. Необходимость развития этногеографических исследований В. Г. Богораз обосновывал следующим образом: «Пытаясь установить основы распространения культуры на земле, автор исходил из того, что это распространение совершается по поверхности земного шара и происходит по различным путям, т.е. линиям. Таким образом, этот процесс имеет геометрические формы и приходится устанавливать культурные зоны, культ-круги, культ-эллипсы, пояса нарастания культуры и линий её распространения» [7, с. 27]. Само определение науки В. Г. Богораз дал на одной странице [7, с. 42] в «широком» и «узком» вариантах. Первый из них – «Термин ... этногеография подчёркивает дальнейшее развитие рода «человек», разделяя его на расы, народы, племена и включая всю совокупность культуры, созданной человеком на земле, во всё её историческом и географическом многообразии». Второй – «Этногеография есть этнография, взятая в её географическом распределении, или, напротив того, это есть география с новым этногеографическим наполнением». Как видим, второй вариант совпадает по задачам с антропогеографией Ф. Ратцеля, хотя сам автор думает, что здесь он примыкает к известному определению Э. Реклю – «История есть география во времени, а география есть история в пространстве» [7, с. 43]. Что касается целей и задач новой науки, В. Г. Богораз даёт весьма широкую программу, включающую антропологию, этнографию, историю и политэкономии, что, собственно, и является главным источником методологической слабости этногеографии. Сюда входят [7, с. 58-59]:

«Этногеография, занимаясь взаимоотношением человеческих масс на земле, значительную часть своего внимания должна отдавать ... культурным народам»;

«Пути первобытной культуры этногеография рассматривает только в историческом аспекте...»;

«В истории и современности этногеография выделяет самые основные источники культуры, с одной стороны, ширину и богатство природы..., с другой стороны, человеческую технику в самом широком смысле слова ...»;

<sup>3</sup> - сейчас факультет географии и геоэкологии СПбГУ, - прим. авт.

<sup>4</sup> - ещё в 1925 г. З. Е. Черныков писал: «Этногеография пользуется одновременно методами общественных и естественных наук, что позволяет ей охватывать более широкий круг вопросов, относящихся к человеческому обществу и дать этим вопросам более правильное освещение» [44, с. 209]

«Распределение продуктов и богатства между различными классами в пределах данной национальной и государственной организации и их географическим распределением между различными народами и странами...»;

«Древние торговые пути в их постепенном изменении и усложнении вплоть до настоящего времени»;

«Этногеография с особым вниманием изучает расселение народов на земле ... взаимное проникновение народов, их борьбу и мирное смешение»;

«Этногеография старается наметить основные культурные комплексы, основные культ-круги..., намечая на земле сложные сети из взаимодействующих сплетений, начиная с древнейших времён».

Становится понятным, почему концепция В. Г. Богоразы не получила в дальнейшем широкого распространения: при марксистской трансформации советской этнографии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. наука, заменяющая истмаг, политэкономии и, отчасти, научный коммунизм, оказалась явно не востребованной. В целом, этногеографию В. Г. Богоразы можно определить как этнографию в широких географических рамках.

Предложенный этнографом и писателем термин и дефиниция науки (точнее – первая часть «узкого» определения этногеографии) положили традицию в российской (советской) этнографической школе рассматривать этногеографию как субдисциплину этнографии. В 1947 г. в ИЭА АН СССР создается лаборатория этнической демографии и картографии, которая в 1951 г. издает учебную карту народов СССР в масштабе 1:4000000, а в 1964 г. – свой обобщающий труд – Атлас народов мира. В связи с проведением этих работ были разработаны основные принципы выделения и классификации этносов, определения этнических территорий и этнических границ, методика составления этнических карт (см., например, [25-28]). Географический фактор вновь начинается учитываться в этнографии в связи с разработкой М. Г. Левинским и Н. Н. Чебоксаровым теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей [30].

Этническая география, будучи смежной дисциплиной, сформировавшейся на стыке географии и этнографии (этнологии), до настоящего времени развивалась в основном как составная часть этнографии. Её развитие в рамках этнографии, цели, задачи и объекты исследования наиболее полно отражено в работах С. И. Брука и В. И. Козлова [9-11, 19-20]. Так, в краткой географической энциклопедии статью об этногеографии написал именно этнограф С. И. Брук, где он даёт следующее определение этой науки: «Этногеография – раздел этнографии, изучающий в динамике состав и размещение населения земного шара, отдельных стран и их районов, в этническом аспекте. Этногеография изучает также особенности расселения этнических общностей в прошлом и настоящем и определяет на базе этих исследований этнические границы. В этногеографию входят этническая картография и этническая демография»<sup>5</sup> [8, с. 432]. В публи-

<sup>5</sup> - любопытно, что данное определение опять было воспроизведено в географическом энциклопедическом словаре издания 1988 года, только сцентоним был заменен на «этническая

кациях, посвященных 50-летию советской этнографии, этногеография рассматривается как одно из основных направлений советской этнографической школы [33]. Узко «этнографический» период развития этногеографии, конечно, имел ряд достижений (например, в этническом картографировании), но недостаточное владение этнографами географическими подходами и методами затрудняло изучение взаимовлияния этнических систем и географического пространства.

Наиболее развёрнутое определение этнической географии с анализом её предмета и отношений со смежными научными дисциплинами дано именно этнографами – Б. В. Андриановым, С. И. Бруком и В. И. Козловым [5] в коллективной монографии «Проблемы этнической географии и картографии».

По их мнению, с которым мы в целом согласны, основными задачами этногеографии является изучение географического размещения народов и других этнических общностей, их расселения, взаимодействия с другими народами, а также их связей с социально-экономическими, политическими, природными и другими факторами. В круг задач этногеографии включаются также такие этнодемографические вопросы, как изучение национального состава стран и регионов, исторических изменений расселения отдельных народов и др. При этом, по мнению указанных авторов, взаимоотношения этнических общностей с природной средой рассматриваются опосредовано, т.е. этническая география взаимодействует с физической через экономическую географию [5, с. 9-10].

На взаимоотношения между этнической географией и смежным научным направлением – географией населения, цитируемые авторы обращают специальное внимание. Приняв определение географии населения по В. В. Покшишевскому [34, 35], они разграничили эти два направления по объекту и предмету исследования. У этногеографии – это народы и этнические общности, а люди выступают как члены определённого этноса. У географии населения – это население в целом, вся совокупность людей живущих на определённой территории, причём люди выступают, прежде всего, как производители и потребители материальных благ (т.е. как экономические субъекты).

По определению В. В. Покшишевского [35] этногеография «изучает распределение на Земле различных этнических общностей. Важнейшие её понятия – этнические ареалы, этнические границы, этнонациональная структура населения стран, районов, городов. Географические аспекты изучения этногенеза и миграций народов..., изучение этнических процессов» [35, с. 64]. И далее «этнос – основная категория, с которой имеет дело любое этногеографическое исследование» [35, с. 181]. Кроме того, этногеография для своих исследований создала «рабочую» дисциплину – этническую картографию. В цитируемом труде В. В. Покшишевского этногеографии отведена целая глава<sup>6</sup>. Особый интерес там представляет раздел, где рассматриваются пространственный фактор этнических процессов, понятие «этническая территория и этнический ареал», особенности этнических контактов. Этногеографическая деятельность В. В.

география», несмотря на широкое признание её к этому времени среди географов как части экономической и социальной географии, - прим. авт.

<sup>6</sup> - Глава IX. География населения и этнические процессы, - прим. авт.

Покшишевского привела к тому, что уже в 1980-е гг. стали говорить о появлении междисциплинарной научной школы С. И. Брука – В. В. Покшишевского – В. И. Козлова, которая, по мнению источника [43] позволила избежать этнографическую и географическую «ограниченность» соответственно у географов и этнографов.

В целом, на рубеже 1970-1980-х гг. в советской экономической и социальной географии складывается мнение о самостоятельном существовании этногеографии в составе семейства обществоведческих географических наук. Так, Э. Б. Алаев в своём известном понятийно-терминологическом словаре [3] включил этногеографию в «прочие обществоведческие науки географического характера, пока не сформировавшиеся в «комплексе»<sup>7</sup> [3, с. 21]. Далее, характеризуя социальную географию как направление социально-экономической географии, Э. Б. Алаев отмечает: «Основной единицей наблюдения (социальной географии, прим. авт.) служит человек (в случае необходимости характеризующий по своей классовой, национальной<sup>8</sup>, семейной, производственной принадлежности, полу, возрасту, образованию, профессии...» [3, с. 35], а в качестве объектов исследования выступают различные территориальные общности людей, в т.ч. объединяемые по признакам национальной принадлежности. Таким образом, автор склонен рассматривать этногеографию как субдисциплину социальной географии в рамках социально-экономической географии. Э. Б. Алаев приводит по материалам третьего издания БСЭ ключевые слова описания объектов исследования отраслевых дисциплин социально-экономической географии [3, с. 15-16]. По ним видно, что для этногеографии таким является только слово «размещение»<sup>9</sup>. Конечно, это отражает основной аспект исследования, но этого недостаточно, так как для географии, по справедливому замечанию Э. Б. Алаева, гораздо важнее изучение не только и столько размещения отдельных компонентов и объектов, сколько их территориальные сочетания (для этногеографии это будут – этноконтактные зоны, этнохозяйственные ареалы и этноценозы, многокомпонентные пространственные этнические и суперэтнические структуры и т.д.).

В 1980-е гг. большое значение в развитии этногеографических исследований в отечественной географической науке сыграли междисциплинарные семинары под эгидой ВГО СССР и многолетний цикл работ в его Московском филиале. Их результатом стала издание серии тематических выпусков этнокультурно-географической направленности, резко отличавшихся от традиционных публикаций по этногеографии среди этнографов<sup>10</sup> [14, 31, 45, 46]. В целом, краткий обзор этногеографических публикаций, вышедших за 1985-1999 гг., содержит источник [43, с. 396-466] и в нашей статье мы их рассматривать не будем.

<sup>7</sup> - в комплексе здесь по Э. Б. Алаеву сформировалась только социально-экономическая география, - прим. авт.

<sup>8</sup> - выделено нами, прим. авт.

<sup>9</sup> - дефиницию этногеографии в БСЭ давал всё тот же этнограф С. И. Брук, - прим. авт.

<sup>10</sup> - здесь любознательно отметить, что редактором всех выпусков был неизвестный И.И. Крулиник, - прим. авт.

С нашей точки зрения этногеография должна изучать население как этническую систему в её связях со всей географической средой, включая, конечно же и природно-территориальные комплексы – кормящий ландшафт по Л. Н. Гумилёву. Поэтому её предмет нельзя ограничивать только производственной сферой или даже сферой общественных отношений социума в целом.

С другой стороны, этногеография очень близка к этноэкологии – новому направлению в этнологической науке [24]. Можно сказать, между этногеографией и этноэкологией такое же соотношение, как между географией и геоэкологией. Фактически и там, и там изучается взаимодействие этноса с географической средой. Однако в этноэкологии в центре внимания стоит механизм этого взаимодействия как одна из характеристик этноса, а этногеография в большей степени обращает внимание на его пространственную структуру и связь с другими компонентами ландшафта, геосистем. Основным объектом этноэкологии (как и этнологии в целом) остаётся конкретный этнос, тогда как этногеографы интересуют всё народонаселение ландшафта или региона в целом.

Объектами изучения этногеографии являются также этносфера в целом как система, объединяющая всё народонаселение Земли с её географической оболочкой (биосферой), этноценозы (геосистемы, составляющие единство этноса с его кормящим ландшафтом) и территориальные (региональные) этнические системы различного ранга.

Из этого вытекают и особенности методов полевых этногеографических исследований, которые несколько отличаются от методов, применяемых в этнографии (этнологии):

1. Как правило, нет фиксации в качестве объекта определенного этноса – изучается всё население ландшафта, но не безотносительно к его этнической принадлежности, а как совокупность взаимодействующих друг с другом этнических общностей. При этом специальное внимание может уделяться определённой части населения, например, коренному населению, сельскому населению, мигрантам и др.

2. Длительные наблюдения в одном пункте, характерные для этнологических исследований, обычно заменяются широтой охвата территории. Даже при мониторинговых исследованиях проводятся регулярные кратковременные наблюдения с широким охватом территории.

3. Широко используются статические данные и картографические методы как способы пространственного анализа этнических систем.

4. Производится обязательная привязка всей информации к территории. Практически невозможно представить исследователя-этногеографа в поле без карты, тогда как в этнологических исследованиях карта не обязательна.

5. Исследования часто имеют чётко выраженный проблемный подход и прикладную направленность, что вообще свойственно для географии, особенно социальной.

В целом при этногеографических исследованиях могут быть использованы многие методы, применяемые в этнологии, но приоритет всё же отдаётся сравнительно-географическому методу, как основному в географии.

Большое значение в этнической географии имеет картографирование как метод, раскрывающий основные качественные и количественные характеристики самих этносов (их численность, пространственная локализация, демографические параметры, лингвистическая, конфессиональная, расовая принадлежность и др.), а также этнических процессов – миграционных, ассимиляционных и др. [5]. Концепция картографирования этнических систем НИИ географии предполагает картографическое выражение всех составляющих такие системы компонентов, что лучше всего может быть достигнуто путём составления атласа. Надо отметить, что в полном объёме эта концепция ещё не реализована. Составленные серии карт (на примере коренных малочисленных этносов Севера России) посвящены в основном характеристике традиционного природопользования, как процесса взаимодействия этносов с кормящими ландшафтами.

Предлагаемая нами методология этногеографии – географического изучения этнических систем – исходит из трёх принципов.

Первый из них, который собственно и составляет её основную отличительную черту, – единство социума с географической средой. Этот принцип в определённой мере был заложен уже в определении географического ландшафта, данное Л. С. Бергом [6].

Действительно, природной географической единицей, с которой мы прежде всего сталкиваемся, изучая вопросы взаимодействия социума с природой, является ландшафт. Однако для последовательного этногеографического подхода оказалось удобнее определить собственную территориальную единицу, выражающую конкретную форму взаимодействия социума с природным комплексом. В качестве такой единицы В. П. Алексеевым [4] был предложен антропогеоценоз. Впоследствии эта идея была поддержана И. И. Крупником [24], который ввёл более общее понятие этноэкологической системы. Он рассматривает антропогеоценоз в качестве нижней типологической единицы этноэкологической системы, а высшей считает хозяйственно-культурный тип<sup>11</sup>, который понимается в данном случае как структурная, а не как типологическая единица. Однако наиболее полное воплощение идея взаимодействия этноса с географической средой получила в учении Л. Н. Гумилёва [16] о «кормящем ландшафте» этноса и об этноценозе.

Второй принцип является общепринятым в географии, но в этногеографии приобретает особенно важное значение. Это единство географического и исторического подхода. Строго говоря, географическое изучение этноса – всегда историко-географическое, поскольку анализ пространственных закономерностей в отрыве от временных в этнической географии просто невыполним.

Третий принцип близок к сложившемуся в современной этнологии подходу – равно изучать как сам этнос, так и межэтнические взаимодействия. При этом каждое этническое образование рассматривается во всей сложности его межэтнических взаимодействий, а исследованию этноконтактных зон уделяется

<sup>11</sup> – понятие хозяйственно-культурного типа и историко-культурной области введены в этнографию М. Г. Левиным (1947) и получили развитие в трудах М. Г. Левина, П. П. Чебоксарова, Я. В. Чеснова, Б. В. Андрианова и других советских этнографов, – прим. авт.

особое внимание. В нашей методологии этот принцип существенно дополнен на основе представлений Л. Н. Гумилёва [16] об иерархическом строении этноса, которые позволяют выделять территориальные системы трёх уровней: субэтнического, этнического и суперэтнического. С учётом этого третий принцип можно сформулировать как «изучение межэтнических взаимодействий с учётом иерархии этнических систем и неоднородности этнического пространства».

#### Список литературы

1. Bastian A. Der Mensch in der Geschichte. Abth. 1-3. Leipzig, 1860.
2. Koppén P. Erklärender Text zu der Ethnographische Karte des St. Petersburg. SPb., 1867.
3. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М., 1983.
4. Алексеев В. П. Антропогеоценозы: сущность, типология, динамика // Природа. 1985, № 7. С. 18-28.
5. Андрианов Б. В., Брук С. И., Козлов В. Т. Этническая география и её место в системе этнографической и географической наук // Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978. С. 7-13.
6. Берг Л. С. Ландшафтно-географические зоны СССР. Ч. 1. М., 1931.
7. Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М., 1928.
8. Брук С. И. Этногеография // Краткая географическая энциклопедия. Т. 4. М., 1964.
9. Брук С. И. (ред.). Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978.
10. Брук С. И., Козлов В. И. Современное состояние исследований по этнической географии // География населения СССР (основные проблемы). М., 1964.
11. Брук С. И., Козлов В. И., Левин М. Г. Основные проблемы этногеографии // Советская этнография. 1961, № 6.
12. Брук С. И., Козлов В. И., Левин М. Г. О предмете и задачах этногеографии // Советская этнография. 1963, № 1.
13. Воейков А. И. Распространение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека. СПб., 1911.
14. География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983.
15. Гумбольдт А. Космос. Т. 1-3. СПб., 1848-1857.
16. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.
17. Зарубин И. И. Список народностей Союза ССР // Труды КИПС. Вып. 13. Л., 1927.
18. Золотарёв Д. А. Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР // Труды КИПС. Т. 26. Л., 1926.
19. Козлов В. И. Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978.

20. Козлов В. И. Этногеографический очерк // Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 25–35.
21. Козлов В. И., Покишиевский В. В. Этнография и география // Советская этнография. 1973, № 1.
22. Кротюк Д. А. Значение «этногеографических провинций» в этногенетическом процессе. СПб., 1905.
23. Крубер А. А. Общее землеведение. Часть III: био- и антропогеография. М., 1922.
24. Крутик И. И. Арктическая этноэкология. М., 1989.
25. Кушнер П. И. К методологии определения этнических территорий // Советская этнография. 1946, № 1.
26. Кушнер П. И. Этническая граница // Советская этнография. 1947, № 2.
27. Кушнер П. И. Методы картографирования национального состава населения // Советская этнография. 1950, № 4.
28. Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. М. 1951.
29. Левин М. Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // Краткие сообщения Института этнографии. Т. II. М., 1947. С. 84–86.
30. Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области // Советская этнография. 1955, № 4.
31. Малые и дисперсные этнические группы в европейской части СССР. М., 1985.
32. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Л., 1924 (перевод с французского оригинала 1889 г.).
33. Перицыц А. И., Чебоксаров Н. Н. Полвека советской этнографии // Советская этнография. 1967, № 5.
34. Покишиевский В. В. География населения СССР. М., 1971.
35. Покишиевский В. В. Население и география. М., 1978.
36. Ратцель Ф. Антропогеография. Т. 1–2. Пг., 1921–1922.
37. Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. Тт. 1–19 в 10 кн. СПб., 1898.
38. Риттер К. Магазин землеведения и путешествий. Т. II, отдел 2. М., 1853. (перевод книги К. Ritter Allgemeine vergleichende Geographi. Berlin, 1817–1818.)
39. Риттих А. Ф. Этнографическая карта Европейской России. СПб., 1875.
40. Середонин С. М. Историческая география. Пг., 1916.
41. Ситицкий Л. Д. Очерки землеведения (Антропогеография). Вып. I. М.–Пг., 1923.
42. Соколовский А. Человечествоведение. СПб., 1904.
43. СССР – СНГ – Россия: география населения и социальная география. 1985–1996. Аналитико-библиографический обзор. М., 2001.
44. Этнические группы в городах европейской части СССР. М., 1987.
45. Этноконтактные зоны в европейской части СССР. М., 1989.

В. П. Стрелецкий

Россия, г. Москва

#### ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ПОДМОСКОВЬЯ

Генезис и эволюция этнического расселения в центральных районах России – важный сюжет историко-географических исследований. Отдельным аспектам данной темы (преимущественно частным, локальным) посвящены работы историков, этнографов, географов, но в этой области очень мало комплексных, интегральных исследований, особенно нацеленных на анализ долговременных, многовековых процессов. Задача данной статьи – историко-географический анализ сдвигов в этнической структуре населения и в этническом расселении, имевших место с раннего средневековья до настоящего времени в «ядре» Центральной России – на территории Подмосковья.

Северо-восток Древней Руси, к которому относилась и территория современной Московской области, был заселён славянами позже большинства других русских земель – южных, западных и северо-западных. Ещё до проникновения в этот регион славян, в I тысячелетии до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э., он был зоной контакта балтийских, финно-угорских и иранских, а в конце периода – также и германских племён. Об этом свидетельствуют как археологические, так и топонимические данные, прежде всего сохранившиеся в Подмосковье гидронимы [4; 5; 6; 14; 17 и др.].

В этногенезе *балтийских племён*, несомненно, было много общего с этногенезом славян. Некоторые русские учёные (Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, В. К. Поржезинский и др.) признавали даже существование общей «балтийско-славянской эпохи», после которой из единой этнической общности выделились «прабалтийцы» и «праславяне», впоследствии распавшиеся на отдельные балтийские и славянские племена. В противовес этой концепции, А. Мейе и его последователи считали, что «прабалтийская» и «праславянская» народности отделились, каждая самостоятельно, от индоевропейской группы племён, связанных языковой общностью. Но в любом случае балты проникли в Верхневолжский бассейн, в т.ч. и в Москворечье, раньше славян. В пределах Московской области *балтийская гидронимия* имеет восточную границу примерно по линии Клин – Москва – Коломна, а местами даже переходит её на восток [21; 22]. Балтийскими гидронимами являются, в частности, такие, как Цна (приток Оки), Уша, Курша (в бассейне р. Гусь) и др. [13, с. 13]. Доказано балтийское происхождение и таких названий, как Лопасня, Лобня, Лопца, Лобь, Шерна, Сетунь, Поля.

*Угро-финские племена* Верхне-Окского междуречья были в дославянский период, видимо, более многочисленными, чем балтийские. Кстати, до расселения славян на Восточноевропейской равнине финны жили и гораздо южнее, не только в среднем, но и в верхнем течении Оки, вперемежку с иранским населением. Финно-угорская топонимия в Подмосковье распространена очень широко, но её плотность падает с севера на юг и с востока на запад. Однако в